

## К СТИХОТВОРЕНИЮ «ТАИТСЯ ПЕЩЕРА»...

(Пушкин и Овидий.)

Интерес к Овидию у Пушкина замечается очень рано и не оставляет его почти во все время его недолгой жизни — то здесь, то там встречается имя великого римского поэта или стихи, посвященные ему, или цитаты из него, или отзыв о нем.

Проследим, как растет этот интерес хронологически. Он мог проявиться у Пушкина очень рано, ибо в лицее в числе наук начального курса уже была латынь, и, по отзыву читавшего ее Н. Ф. Кошанского, успехи Пушкина в латинском классе были хороши. С одной стороны, Кошанский и Галич, с другой — поэтические переводы и подражания Дельвига должны были будить интерес Пушкина к античным авторам. Кажется, первое упоминание об Овидии относится к 1814 году. Правда, в «Городке», среди перечисляемых «парнасских жрецов», имени Овидия мы не находим. Но уже стихотворение «К Батюшкову» Пушкин заканчивает так:

Играй: тебя, младой Назонъ,  
Эротъ и Градіи вѣнчали.

Здесь Пушкин, вероятно, имеет в виду Овидия — автора «Героид», любовных посланий и элегий. В 1816 г. в стихотворении «Сон» Пушкин пишет: «пускай любовь Овидии поютъ... я сонъ пою».. Таким образом, Пушкин еще в лицее знал и в некоторых отношениях ценил Овидия.

Но вот приходят годы ссылки — теперь мысли Пушкина все время вращаются около личности древнего поэта. П. И. Бартевев в статье «Пушкин в Южной России» сообщает: «другим его любимцем был тогда Овидий», а И. П. Липранди замечает по этому поводу: «Действительно, Овидий очень занимал Пушкина»... «Знаю, что

первая книга, взятая у меня Пушкиным, была Овидий во французском переводе, и книги оставались у него с 1820 по 1823 г.»<sup>1)</sup>

Но теперь Пушкина интересует в Овидии уже другое: римский поэт важен ему не как певец любви, а как поэт элегий и изгнания. Письмо к Гнедичу от 24 марта 1821 г. прямо начинается со сравнения своей судьбы с судьбой Овидия:

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчаннй,  
И хитрымъ Августомъ изгнаннй  
Овидій мрачны дни влачилъ,  
Гдѣ элегическую лиру  
Глухому своему кумиру  
Онъ малодушно посвятилъ...

И там и здесь «остракизм» (письмо Глинке 1823 г.), «эгида ссылки», хотя и вызванной соответственно разным эпохам, разными причинами. Тогда же Чаадаеву Пушкин пишет о стране, «где прах Овидиев пустынный мой сосед».

В варианте «Желания» читаем: «В моих руках Овидиева лира, счастливая певича красоты, певича нег, изгнания и разлуки»... (1821 г.).

Письмо к Гнедичу 29 апреля того же года Пушкин начинает цитатой из Овидиевых *Tristia* (I элегия I книги):

*Parve (nec invideo) sine me, liber, ibis in urbem,  
Neu mihi! Quo domino non licet ire tuo* etc.

имея в виду издание «Кавказского пленника».

Но определеннее всего увлечение образом Овидия — в знаменитом стихотворении «К Овидию»<sup>2)</sup>, которое Пушкин сам очень любил, ценил и сильно желал видеть в печати:

«Как слог — я ничего лучше [«Разбойников»] не написал (кроме послания к Овидию)» (черновое, кн. Вяземскому от 14—X—23 г.); «Каковы стихи мои к Овидию?... Душа моя и Руслан и Пленник и

<sup>1)</sup> «Русский Архив», 1866 г., стр. 1267.

<sup>2)</sup> Ср. П. О. Морозов, Комментарии к III т. Акад. изд. и А. И. Малеев, «Пушкин и Овидий» в XXIII — XXIV вып. «Пушкин и его современники» — параллели с Овидиевыми «*Tristia*», показывающие, что, если Пушкин и не изучал Овидия как специалист-филолог, то во всяком случае великолепно знал его, как поэт глубоко симпатичного ему поэта.

Noël и все дрянъ в сравнении с ними» (брату от 30—I—23 г.) и в письме к А. А. Бестужеву (от 21—VI—22 г.): «Посылаю вам мои бессарабские бредни и желаю, чтоб они вам пригодились... предвижу препятствия в напечатании стихов к Овидию—но старушку [цензуру] можно и должно обмануть». В письме от 4—IX—22 г. брату, Пушкин вносит поправки в то же стихотворение; в письме от 18—X—22 г., ему же, беспокоится: «получено ли мое послание к Овидию?» и смеется над своим ходатайством об освобождении:

О други, Августу мольбы мои несите!  
Но Августъ смотреть Сентяремъ.

В декабре 1821 г. Пушкин вместе с И. П. Липранди едет к Дунаю, на берега Черного моря и посещает между прочим Измаил и Аккерман, где ищет следов пребывания Овидия. «Не раз случилось мне, рассказывает Липранди, быть свидетелем разговора об этом предмете Пушкина с В. Ф. Раевским и К. А. Охотниковым»... «В пути Пушкин жалел, что не захватил какого-то тома Овидия»<sup>1)</sup>. Несомненно в Измаиле Пушкин думал об Овидии, так как знал, что через Дунай, при его устье находились Тома (теперь Кюстендже в Добрудже), где Овидий жил. К числу невыясненных вопросов Пушкинской биографии принадлежит между прочим вопрос о том, был ли Пушкин в Овидиополе (П. И. Бартнев)<sup>2)</sup>, где, как прежде думали, и были Тома, место ссылки Овидия,—или только из башни Овидия мог видеть город (Надеждин)<sup>3)</sup>. Во всяком случае уже само название этого города поддерживало в нем думы об Овидии. (Быть может, в качестве любопытного совпадения, можно отметить, что Пушкин в мае 1821 г. думал о записи в масонскую кишиневскую ложу, именуемую «Овидий».)<sup>4)</sup>

К 1822 г. относится послание «Баратынскому из Бессарабии», где опять вспоминается Овидий:

<sup>1)</sup> В библиотеке Пушкина имелись пять изданий Овидия: два на русском, два на французском и одно на латинском языках: №№ 260, 278, 1231, 1232 и 1233 (см. «Пушкин и его современники». Вып. IX—X. Библиотека А. С. Пушкина, предисловие Б. Л. Модзалевского) и сведения об Овидии и его биографии в сочинениях Вольтера и Маро.

<sup>2)</sup> «Русский Архив», 1866, стр. 1152 и 1163.

<sup>3)</sup> «Одесский Альманах на 1840 г.»

<sup>4)</sup> Пушкин. Сочинения под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 174.

Еще донинѣ тѣвѣ Назона  
 Дунайскихъ ищетъ береговъ,

и Баратынский сравнивается с ним:

Обнять милѣе мнѣ  
 Въ тебѣ Овидія живого.

Далее об Овидии говорится и в первой главе «Евгения Онегина», начатой, по свидетельству самого Пушкина, также в Бессарабии:

Наука страсти нѣжной,  
 Которую воспѣлъ Назонъ,  
 За что страдальцемъ кончилъ онъ,  
 Свой вѣкъ блестящій и мятежный  
 Въ Молдавіи, въ глуши степей,  
 Вдали Италиі своей» (I гл., строфа VIII) <sup>1</sup>).

К этим стихам Пушкиным сделано обширное примечание: «Мнение, будто бы Овидий был сослан в нынешний Аккерман, ни на чем не основано. В своих элегиях *Ex ponto* он ясно означает место пребывания город Томы при самом устье Дуная. Столь же несправедливо и мнение Вольтера, полагающего причиной его изгнания тайную благосклонность Юлии, дочери Августа. Овидию было тогда около 50 лет, а развратная Юлия десять лет тому прежде была сама изгнана ревнивым своим родителем. Прочие догадки ученых не что иное, как догадки. Поэт сдержал свое слово, и тайна его с ним умерла: *Alterius facti culpa silenda mihi*» <sup>2</sup>).

<sup>1</sup>) Любопытно сравнить съ этими стихами некомментируемое еще двустишие:

Молвой покинутый изгнанникъ  
 Въ степяхъ Молдавіи забыть...

(Сочинения Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. II, № 323.) Кого имел в виду здесь Пушкин — себя или Овидия?

<sup>2</sup>) Другая справка об Юлии имеется среди «Мелочей» 1830 г. в замечаниях на анналы Тацита: «Юлия, славная своим распутством и ссылкой Овидия». В VI томе Овидия Пушкинской библиотеки разрезаны стр. 353 — 368 о ссылке Овидия.

В 1824 г. послание «К Языкову» Пушкин заключает стихами:

Клянусь Овидіевою тѣнью:  
Языковъ, близокъ я тебѣ.

Наконец, в 1824 г. Овидию же посвящены знаменитые строфы «Цыган», о которых Белинский говорит: «Эпизод об Овидии заключает в себе гораздо больше поэзии, нежели сколько можно найти ее во всей русской литературе до Пушкина»:

Онъ былъ уже лѣтами старъ,  
Но младъ и живъ душой незлобною.  
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ  
И голосъ шуму водъ подобный...

Действительно, только любимого, сильно любимого поэта можно было воспеть, так прекрасно вложив эти слова в простой, полный эпического спокойствия и первобытной эмоции рассказ старика цыгана.

В 1825 г. в письме к А. А. Бестужеву из Михайловского (май—июнь) Пушкин пишет: «Грех отнять это титуло [гениев] у таких людей, каковы Virgilius, Horatius, Tibullus, Ovidius и Lucretius, хотя они кроме двух последних (курс. наш)... шли столбовой дорогой подражания». В 1830 году к «Домику в Коломне» Пушкин берет эпиграф из Овидия: «*Modo vir, modo foemina*». Тот же самый эпиграф—к предполагаемому предисловию к «Запискам А. Н. Дуровой» в 1836 году. Среди «журнальных статей» 1830 г. имеется между прочим такая заметка: «Шестой песни Онегина не разбирали, даже не заметили в «В. Е.» лат. опечатки. К стати: с тех пор, как вышел из Лицея, я не раскрывал латинской книги и совершенно забыл лат. язык. Жизнь коротка, перечитывать некогда... Но как раз вскоре после этого другая заметка: «я вспомнил предания мифологические, Превращения Овидиевы, Леду, Филлиру, Пазифаю, Олимпию, Пигмалиона — и принужден был признаться, что все сии вымыслы не чужды поэзии, или, справедливее, ей принадлежат». Очевидно, в первой заметке—значительное преувеличение. Ее нельзя понимать буквально: постоянное возвращение и после лицея к латинским авторам, переводы из древних и цитаты из них у Пушкина встречаются очень часто и отнюдь не позволяют думать, что он «не раскрывал латин-

ской книги». В статье «о гекзаметрах Мерзлякова» (1830 г.) Пушкин говорит о форме стихов Овидия и называет их «изысканно-шеголеватыми». Последним упоминанием об Овидии является заметка Пушкина о «Фракийских элегиях» Теплякова (1836 г.). Пушкин находит, что «поэт приветствует незримую гробницу Овидия стихами слишком небрежными», далее он защищает Овидия от нападок французского поэта Гросета (цитату из которого: «Je cesse d'estimer Ovide» — «я перестаю почитать Овидия» — он запомнил): «Книга *Tristium* не заслужила такого строгого осуждения. Она выше, по нашему мнению, всех прочих сочинений Овидиевых (кроме «Превращений»). Героиды, Элегии любовные и сама поэма «*Ars amandi*», мнимая причина его изгнания, уступают «Элегиям Понтийским». В сих последних более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности и менее холодного остроумия. Сколько яркости в описании чуждого климата и чуждой земли! сколько живости в подробностях! и какая грусть о Риме! какие трогательные жалобы! Благодарим г. Теплякова за то, что он не ищет блистать душевной твердостью на счет бедного изгнанника, а с живостью заступает за него». И дальше: «Песнь, которую поэт влагает в уста Назоновой тени, имела бы более достоинства, если бы г. Тепляков более соображался с характером Овидия, так искренно обнаруженным в его плаче. Он не сказал бы, что при набегах Гетов или Бессов, поэт радостно на смертный мчался бой. Овидий добродушно признается, что он и смолodu не был охотник до войны, что тяжело ему под старость покрывать седину свою шлемом и трепетной рукою хвататься за меч при первой вести о набеге. См. *Trist. Lib. IV. El. I*».

Эта заметка вдвойне интересна: как решительную защиту Пушкиным своего любимца, так и обнаруженным им знанием характера Овидия. Вместе с тем подробная ссылка на книгу и главу указывает, что Пушкин в 1836 г. снова держал книги Овидия в руках.

Не задаваясь здесь целью перечислить все образы, навеянные Пушкину Овидием, считаем нужным отметить, что таковые несомненно имеются. Достаточно указать Мидаса (II кн. «Метаморфоз»), может быть Леду и Ариона <sup>1)</sup>; не указана до сих пор и

<sup>1)</sup> Миф об Арионе Пушкин мог узнать также из Геродота или Цицерона.

связь программы «Актеон» с Овидиевым мифом об Актеоне (III кн. «Метаморфоз»<sup>1</sup>) неоднократные упоминания Пигмалиона: срв., например, черновик письма к Гнедичу от апреля 1822 г.: «прелестная баснь о Пигмалионе, обнимающем холодный мрамор», и строфу II, IV главы «Онегина»:

То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней  
Передъ мольбой Пигмалиона  
Еще холодный и вѣмой,  
Но вскорѣ жаркой и живой.

В стихотворении «Рифма» (1830 г.) — образ «Эхо» из мифа «Нарцисс и Эхо». Само же это стихотворение, особенно в начальной части, напоминает миф Овидия — «Дафна»<sup>2</sup>). У Пушкина первые строки читаются так:

Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пенея.  
Фебъ, увидѣвъ ее, страстию къ ней воспылагъ.

У Овидия первая любовь Аполлона — нимфа Дафна, дочь бога фессалийской реки Пенея. Начало мифа таково: Аполлон, увидев нимфу, страстно полюбил ее, она же, увидав бога, понеслась от него словно гонимая ветром. Постой, дева, Пенея! взывал он... Миф о «Дафне» был известен Пушкину — он упоминается в статье «О гекзаметрах Мерзлякова», статье того же года, что и «Рифма».

Из юношеских стихотворений в послании «К Батюшкову» 1815 г. упоминается об Икаре:

И съ дерзостнымъ Икаромъ  
Страшась летать не даромъ,  
Бреду своимъ путемъ...

В примечании к этому стиху С. А. Венгеров в своем издании говорит: Пушкин всегда полосо́ами находился не только под

<sup>1</sup>) Пушкин, Сочинения под. ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 196. Сюда же можно отнести «В лесах Чаргарии» (срв. «Пушкин и его современники», вып. XXVIII, стр. 100, заметка А. И. М—на).

<sup>2</sup>) Ovid. «Metam.» Lib. I (как раз эта книга разрезана в Пушкинском экземпляре С. Marot, «Oeuvres complètes»).

властью одного общего настроения, но и отдельного какого-нибудь имени, образа, сравнения. И в данном случае Икар не в первый раз назван. В послании к Дельвигу, в первоначальной редакции тоже говорится об Икаре:

...Стихами до насаду  
Жужжить Икару вслѣдъ.

Нам представляется, что образ Икара также вызван чтением Овидия («Метаморфозы» VIII, 183 — 235).

Л. Н. Майков находит также значительное сходство «Торжества Вакха» (1817 г.) с одним местом Овидиева «Искусства любить» (Lib. I, с. 541).

В заключение остановимся на сходстве стихотворного отрывка из XI книги «Метаморфоз» Овидия с незаконченным и почти не комментированным наброском Пушкина, известным под названием «Таится пещера» (1827 г.)<sup>1)</sup>.

Сличим оба текста:

X. Est prope Cimmerios longo spelunca recessu,  
Mons cavus, ignavi domus et penetralia Somni:  
Quo nunquam radiis oriens, mediusve, cadensve  
Phoebus adire potest. Nebulae caligine mixtae  
Exhalantur humo, dubiaeque crepuscula lucis.  
Non vigil ales ibi cristati cantibus oris  
Evocat Anproam: nec voce silentia rumpunt  
Sollicitive canes, canibusve sagacior anser.  
Non fera, non pecudes, non moti flamine rami,  
Humanaeve sonum reddunt convicia linguae.  
Muta quies habitat: saxo tamen exit ab imo  
Rivus aquae Lethes, per quem cum murmure labens  
Invitat somnos crepitantibus unda lapillis.

<sup>1)</sup> Хотя в крошечных розовых томках Пушкинской библиотеки латинское издание Овидия не разрезано в этой книге «Метаморфоз», но брошюровка позволяет и там просмотреть историю Гальдионы и наиболее поэтическое место XI книги — «Царство Сна» (стихи 592 — 615). Пушкин, конечно, знал и держал в руках и другие издания, и во всяком случае прекрасно знал перевод Жуковским всего этого мифа («Цейкс и Гальдиона», из превращении Овидиевых).



Ante fores antri fecunda papavera florent,  
 Innumeraeque herbae: quarum de lacte soporem  
 Nox legit, et spargit per opacas humida terras.  
 Janua, quae verso stridorem cardine reddat,  
 Nulla domo tota; custos in limine nullus.  
 At medio torus est, ebено sublimis in antro,  
 Plumeus, unicolor, pullo velamine tectus:  
 Quo cubat ipse Deus, membris languore solutis.  
 Hunc circa passim, varias imitantia formas,  
 Somnia vana jacent totidem, quot mēssis aristas,  
 Silva gerit frondes, ejectas litus arenas <sup>1)</sup>.

Стихотворение Пушкина восстанавливаем по черновикам тетради Московского Румянцевского Музея (№ 2368, л. 36) <sup>2)</sup>:

<sup>1)</sup> Даем перевод:

(Царство сна.)

Есть в Киммерийском краю пещера, ушедшая в гору,  
 Царство ленивого Сна, куда ни с зарею, ни в полдень  
 Солнце не может войти, блеснуть золотыми лучами.  
 Там в полумраке земля испаряет седые туманы,  
 Гимном Аврору-зарю не будит внимательный певень,  
 Ни беспокійных собак, ни чуткого гуся не слышно.  
 Мертвый покой там дарит. И пошлую речь человека,  
 Рев заунывный зверей, ветвей колыхаемых ветром  
 Скрип не разносит вокруг там многоголосая Эхо...  
 Лишь из подошвы скалы волна выбегает с журчаньем—  
 Речка забвенья течет и ропотом сны навевает...  
 Пышные маки цветут у входа в глухую пещеру,  
 Море зеленое трав, из сладкого сока которых  
 Сеет душистая ночь сны над тенистой землею...  
 Нету в том царстве дверей— печального скрипа не слышно.  
 Всякий, кто хочет войдет— привратника нет на пороге.  
 Черного дерева там причудливо висят ложе,  
 Пухом покрыто оно, подернуто темным покровом,  
 Бог почивает на нем с расслабленным негою телом  
 И вокруг него стеной, но капризные формы меняя,  
 Легкие, лживые сны, сплетая в хороводы блуждают.  
 Легкие, лживые сны— их много как в поле колосьев,  
 Много как листьев в лесу, как тайн у безбрежного моря.

<sup>2)</sup> По фотографии из собрания С. А. Венгерова.



Несколько выше уровня первой строки написаны слова «таится пещера», и трудно сказать, представляют ли они окончание не записанной строчки или относятся к первой известной нам, образуя:

Въ рощахъ Карійскихъ, любезныхъ ловцамъ, таится пещера.

У Овидия описание Царства Сна тоже начинается с пещеры — *sperunca longo recessu* (пещера с длинным углублением) — отсюда у Пушкина, по нашему мнению, нагнетательный образ глубины.

В первой строке у Овидия: «*Est prope Cimmerios...*» — буквально — «есть близ Киммерийцев» или «в краю Киммерийцев». У Пушкина: «В рощах Карийских» (или первоначально «в роше Карийской»). Овидий, вероятно, имел в виду мифическую страну, где никогда не было солнца (упоминаемую и Гомером в *Одиссее*, λ, 13 sqq). Однако любопытно, что как раз история обоих народов — киммерийцев (исторический народ родом из Босфора Киммерийского) и карийцев до сих пор считается не вполне выясненной, а между тем имеются некоторые данные для сближения их в одну группу: киммерийцы около VIII или VII в. до Р. Х. грабили Малую Азию, Фригию, Лидию, в борьбе с ними пал Лидийский царь Гигес. Имя того же Гигеса встречается также в истории карийцев. Далее, карийцы в союзе с египтянами направились против ассирийцев около 664 года. Киммерийцы тоже столкнулись около 575 года с ассирийцами. Известно, что лидийский царь Алиат боролся с карийцами. Он же известен, как освободитель Малой Азии от киммерийцев <sup>1)</sup>. Есть, правда, некоторые данные, на первый взгляд противоречащие такому допущению (например, указываются столкновения киммерийцев с лидийцами, и в то же самое время известна дружба с последними карийцев), но при запутанности и непостоянстве древних отношений это не представляется столь существенным, тем более, что сведения о них крайне ограничены.

Нам важно только то, что некоторые основания для такого сближения, точнее, некоторые ассоциации (даже и звуковые) в этой области имеются, и если предположить, что у Пушкина случайно они были (из комментариев к древним, Геродота и пр.), то весьма

<sup>1)</sup> Срв. также об обоих народах у Геродота в его истории (кн. I, 15, 678 и кн. IV, I, 11) и статьи в Энциклопедическом Словаре Брокгауза-Ефрона.

вероятно, что неопределенное понятие Киммерийского края он заменил в стихе равнозначимым понятием Карийских рош.

Но у Пушкина — поэтическая конкретность: «любезных ловцам» (около зачеркнуто «и» и еще какое-то слово)<sup>1)</sup>. Карийские роши действительно славились, как убежища разбойников и морских пиратов, а с другой стороны, считались священными, и знание этого во всяком случае интересно и характерно для Пушкина.

Далее, у Пушкина, как и у Овидия — описание деревьев и входа; только у Пушкина — «Стройные сосны (первоначально было, по нашему мнению: «клены», «ветлы», а эпитет: «древние») склонились ветвями», у Овидия упоминаются просто «ветви деревьев» («*rami*», *ramus*, *i* — ветвь). У Пушкина после слова «вход» — пропуск, затем слово «заслонил», дальше опять зачеркнуто. У Овидия: «У входа в пещеру цветет в изобилии мак и бесчисленные травы» — «*Ante fores antri fecunda paravega florent*». Таким образом, пропуску у Пушкина мог бы соответствовать как раз мак (маки) или название какого-либо другого растения. Поэтому мы считаем совершенно произвольной старую редакцию этого стиха: «Вход в нее заслонен сквозь ветви блестящим в извилах»<sup>2)</sup> (мы прочли предположительно «по роше», слово же «бродящий» явственно написано с таким окончанием, зачеркнуто и потом восстановлено). Еще более нас убеждает в нашем толковании слово: «заслонил», прочитанное так С. А. Венгеровым вместо старого «заслонен»<sup>3)</sup>.

Образ плюща — «любовника расселин» (первоначально: «мшистых») у Пушкина совершенно самостоятелен, и, по нашему мнению, им и вызваны по ассоциации, написанные сейчас же после этого стихотворения, на том же месте, отделенные только чертой, первоначальные строки VI строфы, VI главы «Онегина»:

Кругомъ его цвѣтеть шиповникъ  
 Минутный вѣстникъ теплыхъ дней  
 И вьется плющъ<sup>4)</sup> могилъ любовникъ<sup>5)</sup>  
 И свищетъ ночью соловей...

1) Мы прочли его: «богамъ».

2) Пушкин, Сочинения под ред. П. О. Морозова, т. II, стр. 65.

3) В подлиннике первоначально написано и зачеркнуто: «заслоняют» и вариант: «стерегут».

4) 5) Курсив наш.

Очень вероятно, что эти, возможные как вставка в «Онегина», 4 стиха и отвлекли Пушкина от первоначальной мысли.

Заключительное описание ручья (первоначально «ключа», струящегося дугой («звонкой», «светлой», «дерзкой») поразительно совпадает у обоих поэтов.

У Пушкина:

Звонкой струится дугой, сбѣгая съ камня на камень  
 пещерное дно затопляет  
 Рѣзвый ручей, пробивъ глубокое русло  
 Ключъ по рошѣ густой, веселя ея вѣетя  
 сладкимъ журчаньемъ.

У Овидия (буквально): «Из под низу скалы (по руслу) вытекает ручей с водой Леты. С журчаньем по нем падая, шурша по камням, волны навевают дремоту»...

Резюмируя все вышесказанное, мы считаем весьма вероятным, что Пушкинское стихотворение навеяно Овидием: во-первых, потому, что Пушкин Овидием сильно увлекался вообще, в частности — «Метаморфозами», и сюжет «Царства Сна» мог остаться у него в памяти; во-вторых, по схеме гекзаметра; и, в-третьих, по сходству образов и отдельных деталей.

Неизвестно, конечно, что вышло бы, если бы Пушкин закончил свой набросок, но нам кажется вполне естественным, что, взяв внешний фон антологической картинки у Овидия, Пушкин оживил его мертвое царство сна с водою Леты, уже упомянув хотя бы о ловах, посещающих роши. Нам это не кажется противоречием. Пушкин хотел, должен был вдохнуть жизнь в «Царство Сна».

*Д. Якубович.*

1916 г.

# ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА  
СЕМЕНА АФАНАСЬЕВИЧА  
ВЕНГЕРОВА

---

## ПУШКИНИСТ IV

ПОД РЕДАКЦИЕЙ  
Н. В. ЯКОВЛЕВА

---

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
МОСКВА • ПЕТРОГРАД

1922